

© 1992 г. УШАКОВ В. Д.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРИЯЗЫКОВОГО
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕЧЕНИЙ
АРАБСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ЯЗЫКА**

*Памяти дорогих учителей
проф. Х. К. Баранова (1892—1980)
и проф. К. В. Оде-Васильевой (1892—1965)*

1.1. Сравнительно-сопоставительный метод описания и изучения языков является одним из основных в лингвистической науке [1; 2, с. 5]. Он применяется как в ходе всестороннего, глобального исследования двух или более языков, так и в процессе сопоставления их «отдельных подсистем» [3, с. 8], — например, синтаксической [4], семантической [5] и других [6—11].

Что касается фразеологического аспекта, то пути его сравнительно-сопоставительного исследования впервые были намечены Л. И. Ройзензоном и Ю. Ю. Авалиани [12], а первая монография, специально посвященная сопоставительному анализу фразеологии двух языков (немецкого и русского), была написана А. Д. Райхштейном [7]. Сопоставление фразеологии различных языков проводилось также в специальных разделах монографий [6, с. 198—215; 2, с. 245—247; 13; 14, с. 38—40], в диссертациях и других публикациях¹.

В сфере фразеологии осуществляются и внутриязыковые сопоставления: одних фразеологических единиц (ФЕ) с другими, а также с нефразеологическими образованиями — отдельными лексемами, переменными словосочетаниями, структурно-семантическими схемами и т. п.

Что касается данной статьи, то она посвящается внутриязыковому сопоставлению фразеологических образований, встречающихся в различных разновидностях речи арабского классического языка (АКЯ). Главная цель такого сопоставления заключается в изучении структурных, семантических и стилистических особенностей фразеологии АКЯ и в определении употребительности ее различных разрядов в тех или иных речевых сферах. Кроме того, в наши задачи входит выявление стилистического своеобразия фразеологии Корана относительно некоранических фразеологических выражений и ее роли в формировании художественных характеристик этого литературного памятника.

Рассматриваемые в статье разновидности речи не тождественны функциональным стилям. В качестве образцов речевых произведений на АКЯ нами были использованы текст Корана, примеры из арабской поэзии, из лексикографических источников, образцы ораторской речи, различного рода цитации, пословично-афористические речения и образцы «бытовых» фразеологизмов классического периода развития арабского языка (VI—XII вв.).

1.2. В связи с тем, что данное исследование носит прежде всего фразеостилистический, а не фразеографический характер, в процессе отбора и

¹ Библиографию работ по сопоставительной фразеологии см. в [15—19].

анализа фразеологического материала мы обращаемся как к регулярным, воспроизводимым, т. е. языковым, так и к окказиональным, единичным, т. е. речевым, образованиям.

Следует заметить, что выполняемые в рамках современного языкознания фразеологические исследования в основном ориентированы на изучение инвентарных, словарных ФЕ, принадлежащих системе языка (см. [20]), тогда как акад. В. В. Виноградов, стоявший у истоков становления фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, рассматривал ее как раздел языкознания, не только «обслуживающий» лексикографическую и фразеографическую практику, но и охватывающий область «речевой деятельности» [21]².

Фразеология, являясь «исторически вторичным отделом» языкознания [14, с. 8; 25], появилась на свет, выйдя из недр стилистики и лексикологии. На «генеалогическую» связь фразеологии с указанными дисциплинами обращали внимание многие ученые. Так, А. В. Кулин, с одной стороны, указывает на то, что термин «фразеология» был введен для обозначения «раздела стилистики», а в другом случае утверждает, что фразеология выделилась в отрасль языкознания из «раздела в лексикологии» [26]. Подобным образом В. Н. Телия подчеркивает, что «лингвистическая наука шла к выделению фразеологического состава языка из общей системы его выразительных (т. е. стилистических.— У. В.) средств» [27, с. 22], а, с другой стороны, указывает на то, что «именно лексикографическая практика во многом способствовала развитию фразеологии как особой лингвистической дисциплины» [27, с. 30]. В связи с тем, что исторически «языковая фразеология» связана с лексикологией и лексикографией, а речевые фразеологические образования представляют интерес прежде всего для риторики, естественно наше обращение к трудам арабских филологов IX—XV вв. по лексикологии (ильм аль-луга) и «науке о красноречив» (ильм аль-балага), в которых представлены переосмысленные и/или клишированные словосочетания и предложения, так или иначе коррелирующие с речевыми и языковыми фразеологическими речениями (фразеоречениями — ФР)³.

Термин ФР мы будем употреблять для обозначения как речевых, так и языковых фразеологических образований, поскольку термины «фразеологизм», «фразеологическая единица» традиционно утвердились за языковыми единицами. В то же время следует иметь в виду, что «в области синтаксиса нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы» [28].

В результате исследования структурно-семантических свойств ФР АКЯ и исходя из положения о том, что «пути развития сопоставительной фразеологии надо искать на основе широкого понимания объекта фразеологии» [29], мы подразделили ФР на следующие разряды: а) собственно фразеоречения — полностью или частично переосмысленные словосочетания, а также предложения неопословичного характера; б) глагольные перифразы, в которых глаголы оформляют грамматические связи и выражают абстрактные типовые значения инициативности, операционности, каузации и т. п.; в) пословично-афористические речения; г) образные сравнения.

2.1. Среди собственно ФР АКЯ одной из наиболее распространенных моделей является именное словосочетание «определяемое + несогласованное определение в родительном падеже» (идафа). В качестве первого

² Вопросы речевого и языкового подходов к фразеологии рассматривались нами ранее в [22, с. 91—92; 23, с. 109—110; 24, с. 2, 4, 5, 8].

³ В некоторых наших работах [23, 24] для обозначения как речевых, так и языковых фразеологических выражений мы использовали термин «фразеобразование». Однако поскольку отглагольные существительные в русском языке имеют значение как результативности, так и процессуальности, в данной статье мы пользуемся термином «фразеологическое речение», который, с одной стороны, ассоциируется с понятиями «речь», «речевой», а с другой — применим и к устойчивым образованиям.

члена идафы преимущественно выступают имена существительные, но наблюдается и препозиция прилагательных.

Идафные фразеосочетания (ИДФС) конструкции (N + N) распространены в поэтической и ораторской речи, в составе «классической» афористики и в Коране. Поэтические ИДФС отличаются от ИДФС других разновидностей речи большей конкретностью «объектов описания» (вторых членов идафы), в качестве которых выступают явления природы, судьба и т. п. (*yadu š-šamāli* «рука северного ветра», *rahā l-manīyūa* «жернова судьбы», *sayfu š-subḥi* «меч утра»). Для поэтической и, в меньшей степени, для других разновидностей речи характерна персонализация [30, с. 156] «объектов описания», создаваемая «наделением» их такими квазинатрибутами, как части тела, предметы и орудия быта, виды оружия и др.

«Объекты описания» в ИДФС Корана, в составе афоризмов и в ораторской речи отличаются большей абстрактностью по сравнению с ИДФС в поэзии. В Коране это «благочестие», «смирение», «милость», «сокровенность», а также «жизнь», «смерть», «страх» и др.; в «классических» афоризмах это в основном этические категории: «ложь», «тщеславие», «раскаяние», «любовь», «страсть», «разум», «зло» и др., хотя встречаются и понятия религиозной сферы: «вера», «прегрешения» и др. Чтобы дать представление об употреблении ИДФС в ораторской речи, приведем в качестве примера прескрипцию, приписываемую правоверному халифу Али ибн Аби Талибу (656—661 гг.):

*'ayyuhā n-nās (u) šuqqū 'amwāja l-fitan
bi-sufuni n-na jāti wa-^carrijū 'an tariqī
l-munāfara wa-^cā'ū 'an tijāni l-mufāhara* [31].

О люди, разбейте волны смут
кораблями спасения, сойдите с пути
распрей и отбросьте короны тщливости⁴.

ИДФС конструкции «A + N_{род}» употребляются преимущественно в поэтической речи с целью описания, характеристики объекта высказывания. Адъективный компонент в таких фразеосочетаниях (ФС), как правило, характеризует субстантивный компонент — либо качественно, либо количественно: *kašīru ramādi l-qidri* (букв. «обильный золой [под] котелком»), «гостеприимный»; *šawīlu n-niḡādi* («длинный перевязью для меча») «высокий ростом» [32, с. 52; 33, с. 276—278; 34, с. 376—380]; *šafru l-wi-šāh* («пустой поясом») «с пустым желудком, голодный» [35, с. 315]. В Коране примеры на ИДФС «A + N_{род}» единичны: *qāširātu l-ṭarfi* (37, 48—49; 38, 52; 55, 56)⁵ («укорачивающие, ограничивающие взор») «с потупленными взорами», «скромные, стыдливые» [33, с. 275; 37; 38]. В то же время следует указать, что в Коране частотны словосочетания «A + N_{род}», в которых наблюдается идиоматичность синтаксического уровня и которые выполняют в этом произведении свою стилистическую роль, например — *šādīdu l-^ciqābi* «жесток в наказании» и т. п. (см. [22, с. 94]).

В различных разновидностях речи встречаются и переосмысленные (полностью или частично) адъективные конструкции «N | A». В Коране

⁴ Подобные ИДФС характерны и для песен и псалмов в Библии. Так, в «Хвалебной песне Давида...» находим: *волны смерти, потоки беззакония, цепи ада, сети смерти, шит спасения* (2 Цар. 22, 5—36).

⁵ Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает номер суры, а цифра после запятой — номер аята по каирскому изданию Корана [36].

Указания на номера суры и аятов помещаются после перевода примера на русский язык, если он принадлежит И. Ю. Крачковскому и приводится без изменений, а если же в перевод И. Ю. Крачковского внесены изменения либо если перевод выполнен нами, то эти указания располагаются сразу после текста оригинала.

их сравнительно немногo: *ṣirāṭun mustaqīmun* (1,6; 2, 142 и др.) «прямой путь» в значении *ad-dīnu* «вера, религия» [39, с. 49; 40]; в адвербиальной функции выступает *habā'an mansūran* «прахом развеванным» (25, 23), т. е. «ничем». В качестве примеров на некоранические адъективные ФС приведем: *lahu 'indī yad bayḏā'* [33, с. 211] («он имеет у меня белую руку») «он имеет заслугу передо мной, он оказал мне милость», *mawt 'ahmar* [41, с. 134] («красная смерть») «насильственная смерть», *al-ḡanīma al-bārīda* [35, с. 278] («холодная добыча») «легкая добыча».

2.2. Наряду с именными фразеосочетаниями в АКЯ распространены и именные фразеопредложения, которые подразделяются на собственно фразеопредложения (ФП) и на пословично-афористические речения (ПАР). В данном разделе рассматриваются непословичные именные ФП.

ФП (в отличие от ПАР — см. ниже) не обладают обобщающим значением, а указывают на какое-либо свойство или состояние субъекта описываемой ситуации, на тот или иной аспект обозначаемых явлений или процессов.

Коранические именные ФП непословичного характера имеют переосмысленные компоненты в субъектной и/или предикатной частях. Нами выделены следующие структурные типы этих ФР: а) обстоятельственное сказуемое + подлежащее, б) подлежащее + именное сказуемое, в) подлежащее + обстоятельственное сказуемое, г) эллиптическая конструкция.

Наиболее употребительное в Коране ФП разряда а): *ḫi qulūbihim taraḏun* «в их сердцах болезнь» (2, 10; 5, 52 и др. — всего 12 примеров). Идиоматичность этого ФП заключается в том, что *taraḏun* обозначает «болезнь» не в медицинском, физическом смысле этого слова, а в духовном, моральном, указывая на такие «недуги», как сомнение в отношении веры, неверие, лицемерие и т. п. [42, с. 4, 147].

Из примеров на ФП конструкции б) дважды встречается *qulūbunā ḡulḫun* «сердца наши не обрезаны» (2, 88; 4, 155), т. е. «неприкосновенны, недоступны (для веры)»⁶.

ФП *al-qulūbu ḫada l-ḡanājiri* (40, 18) «сердца — у гортаней» (от страха) представляет собой пример на конструкцию в). В нем чувство страха передано физическим движением сердца, которое якобы переместилось к гортани (ср. англ. *to have one's heart in one's mouth/throat* букв. «иметь свое сердце в своем рту / горле», русск. *душа в пятки ушла*). Пример на эллипсированное ФП: *ḡanī'an marḡ'an* «на здоровье и благополучие» (4, 4).

Большинство коранических именных ФП обозначает неприятие веры, бесчувственность, жестокость сердец неверных и т. п. В отдельных же ФП «сердце», напротив, выступает как средоточие твердости, надежности в вере: *wa-ḡalbulu miṭma'innin bi-l-īmāni* (16, 106) «а сердце его надежно в вере». См. также (3, 126; 5, 113 и др.). Из числа ФР, обозначающих «светские» характеристики субъекта, можно привести в качестве примера: *wa-ḡalati l-yahūdu yadu ḫāhi maḡlūlatun... bal yadāhu mabsūṭatāni* (5, 64) «И сказали иудеи: „Рука Аллаха в оковах (скупости)“... „Но нет! Руки Его простерты (в щедрости)“».

3.0. К глагольным относятся ФР, включающие в свой состав в качестве обязательного компонента глагол. Такие ФР в АКЯ в целом и в Коране в частности отличаются большим структурным разнообразием (см. [24, с. 14—16]). С точки зрения содержательной для коранических глагольных ФР характерно преобладание образных средств передачи душевного состояния человека, его переживаний и т. п. (см. [43]). Например: *'addū*

⁶ Ср. библейск.: *Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти;*

Но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве: елика и полова не от людей, а от Бога (Рим 2, 28—29). См. также: (Быт. 17, 9—14; 17, 23—27; Иер. 4, 4; 6, 10; 9, 25—26; Лев. 26, 41; Втор. 10, 16; 30, 6; Рим. 2, 25—27; Деян. 7, 51).

l-'anāmīla minā l-ḡayzi «кусают от злости к вам пальцы» (3, 119); *wa-yaqbi-dūna 'aydiyāhum* (9, 67) «и сжимают руки в кулаки (от скупости)»⁷.

Из «поэтических приемов», встречающихся в Коране, можно указать на отдельные примеры персонификации «утра», «неба», «земли», «войны»: *wa-ṣ-ṣubḥi 'izā tanaffasa* «и зарей, когда она дышит» (81, 18); *ja-mā bakat 'alayhimi s-samā'u wa-l-'arḍu* «И не заплакали над ними ни небо, ни земля» (44, 29). Последний пример можно сопоставить с поэтическим описанием начала дождя: *ḡaḥika s-saḥābu bi-l-barqī wa-manna bi-r-ra'di wa-bakā bi-l-qatīri* [33, с. 212] «Засмеялись тучи молнией и пожаловали громом, и разрыдались каплями».

«Тематика» некоранических ФР весьма разнообразна. Она охватывает явления природы — *saḡata s-samā'u* [44; 33, с. 212; 35, с. 266; 39, с. 344; 34, с. 326] букв. «упало небо» в значении «выпал дождь»; душевное состояние человека — *'iswadda n-nahāru fī 'aynayya* [39, с. 198] «потемнел день в моих глазах»; различные бытовые ситуации — *'alqā ḡablaku 'alā ḡarībī-hi* [32, с. 330; 45, ч. 2, с. 210] («бросить свою веревку на его загривок»), «предоставить кому-л. полную свободу действий» (в основе ФР лежит сравнение с верблюдом, которого отпускают пастись на воле) и др.

Многие «поэтические» глагольные ФП включают в свой состав идафные ФС. Например, «приближение утра» передается с помощью ФП *šāba ra'su l-layli* «поседела голова ночи»; *sulla sayfu s-ṣubḥi min ḡimḍi z-zalāmi* [41, с. 586] «извлечен был меч утра из ножен мрака».

3.1. Частным случаем глагольных фразеоречений являются ФР, выражающие такие типовые абстрактные значения (лексические функции — ЛФ), как инцептивность, финитность, каузация, операционность, реализация, фактивность и др. [46, с. 45—55]. ЛФ могут быть переданы с помощью: а) полностью или частично переосмысленных ФР — *ja'ala 'alā qulūbihim 'akinnatan* (6, 25; 17, 46; 18, 57) («возложить на чьи-л. сердца покровы»), «поразить кого-л. невежеством, бесчувственностью» (каузативная ЛФ — Labor_{1,2}); *wa-šta 'ala r-ra'su šayban* (19,4) «и запылала голова сединой» (ЛФ Incep Pred Plus указывает на инцептивность процесса поседедения); б) слабо идиоматичных глагольных перифраз, выполняющих лексические функции (ГП — ЛФ), в которых глагольный компонент обычно обладает частичной идиоматичностью уровня означающего (семасиологической) или/и уровня означаемого (ономасиологической) — *'aḡāta ṣ-ṣalāta* «совершать молитву» (операционность — Oper₁) (см. [47]).

ГП—ЛФ разряда б) представляют большой интерес ввиду их широкой употребительности в Коране и той важной стилистической и «идейной» роли, которую они выполняют в этом памятнике. Некоторые из таких перифраз «не имеют четкого семантического содержания (за исключением того, что берут на себя выражение глагольных категорий) и выполняют по существу чисто синтаксическую функцию „оглаголивания“ существительных...» [46, с. 46]. Однако подобные ГП, выступая в качестве сверхсловных эквивалентов отдельных глаголов, выполняют и стилистическую роль, придавая высказываниям официально-торжественную окраску. Не случайно в Коране нередко отдается предпочтение аналитическому способу выражения того или иного значения перед однословным. Например, смысл «исполнения молитвы» в памятнике с помощью ГП *'aḡāta ṣ-ṣalāta* «совершать молитву» передан 47 раз, а глаголом *ṣallā* «молиться» — лишь 16 раз, т. е. почти в три раза реже.

Другие ГП—ЛФ, находясь друг с другом в конверсных отношениях и по-разному оформляя связи между названным описываемой ситуацией и ее участниками, «...представляют один и тот же смысл в разных направлениях» и с различной расстановкой акцентов» [46, с. 257]. В Коране син-

⁷ Ср. библейск.: и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим (Втор 15, 7).

таксическое варьирование представления одной и той же ситуации выполняет не только стилистическую, но и существенную «идейную» нагрузку. Такое варьирование позволяет изобразить человека пассивным, беспомощным перед тем или иным действием, событием, которое «постигает его, обрушивается на него» и т. п. (*yamassuhumu l-'azābu bi-mā kānū yafsuqūna* (6, 49) «постигнет их наказание за то, что они творили нечестие»); дает возможность представить его «подверженность» какому-л. действию либо непосредственно [*li-yazūqū l-'azāba* «чтобы они вкусили наказания» (4, 56)], либо в результате «активности» некоего субъекта, в качестве которого в Коране в подавляющем большинстве случаев выступает Аллах [23, с. 115; 24, с. 20] [*nuzīquhu 'azāba l-hariqi* (22, 9) «Мы заставим вкусить его наказание огнем»] и т. п. Для коранических ГП характерно чередование в них «отрицательных» и «положительных» ситуаций. Так, человеку не только может быть ниспослано «наказание», но и дарована «милость»: *sayu 'īnā ḥāku min faḍlihi* (9, 59) «дарует нам Аллах из милости Своей»⁸.

Разнообразие синонимических средств выражения ЛФ служит целям создания экспрессивности. Распространенность многих ГП—ЛФ, передающих идеи «реализации», «операционности», в формах императива свидетельствует о дидактичности, прескриптивности, свойственной тем или иным аятам и сурам.

4.0. Фразеопредложениям, описывающим частные аспекты ситуации, противопоставимы ФП, обладающие «сентенциозностью» [48], осуществляющие «дидактическую цель» [49], имеющие «обобщающе-назидательное значение» [50], т. е. пословично-афористические речения. ПАР подразделяются на пословицы, в которых наблюдается семасиологическая идиоматичность, и на афоризмы, для которых характерна ономасиологическая идиоматичность (см. [51, 52]).

4.1. Именно афористические речения характерны для Корана. Они представляют собой суждения религиозного, этического характера, предписания, назидания, обобщения жизненных наблюдений и т. п. Например: *'innamā l-hayātu d-dunyā la'ibun wa-lahwun* «Ведь ближайшая жизнь — только игра и забава» (47, 36); *wa-lā yahīqu l-makru s-sayyi'u 'illā bi-'ahlihi* (35, 43) «И оборачивается злое ухищрение против тех, кто задумал его»⁹; *man ya'mal s'ūan yujza bihi* (4, 123) «Кто совершит зло, тому злом и воздастся».

Важную текстообразующую роль в Коране играют афористические прескрипции (см. [22, с. 98]). Например: *ḥtanibū kaṣīran mina z-zanni 'inna ba'da z-zanni 'ismun* (49, 21) «Избегайте всяческих домыслов! Ведь некоторые домыслы — греховны».

4.2. Некоранические афористические речения с точки зрения их содержания можно подразделить на следующие разряды:

а) Афористические суждения, в которых, как и в Коране, излагаются этические и моральные нормы ислама; многие из них приписываются пророку Мухаммаду, его сподвижникам, правоверным халифам и др. Например: *an-nāsu sawāsiyatun ka-'asnāni l-muṣṭi lā faḍla li-'arabiyy 'alā 'afamiyy 'illā bi-t-taqwā* [53] «Люди равны, как зубья гребня, — нет у араба преимуществ над неарабом ни в чем, кроме как в благочестии»; *abgaḍu l-halāli 'ilā ḥāhi at-talāq* [54] «Самое богопротивное из разрешенного (исламом) — развод».

⁸ Корану в целом свойственно «стягивание к контрастности сюжетов и образов» [30, с. 67], сочетание угроз, увещаний, благих обещаний и т. п. В этой связи здесь уместно привести высказывание, приписываемое первому правоверному халифу Абу Бакру (632—634): *'inna ḥāna qarana wa'dahu bi-wa'idihī li-yakūna l-'abdu rāḡiban rāhiban* «Понимаете, Аллах соединяет обещание с утешением, чтобы был раб (божий) алчущим, страшащимся» [45, ч. 2, с. 450].

⁹ Ср. библейск.: *да уловятся они ухищрениями, которые сами вымышляют* (Псал. 9, 23), а также (Иов 5, 13; 1 Кор. 3, 19).

Отдельные афоризмы представляют собой коранические реминисценции. Например, афористическая прескрипция *'atbi'i s-sayyi'ata l-hasanata tamhuha* [45, ч. 2, с. 145] «После прегрешения сверши доброе дело, — и ты загладишь свой грех» ассоциируется с аятами (11, 114; 13, 22; 23, 96; 25, 70; 27, 11; 28, 54; 41, 34).

б) Афоризмы, представляющие собой обобщения человеческого опыта, содержащие имплицитные и эксплицитные оценки и предписания. Например: *hayru l-māl 'aynin sāhira li-'aynin nā'ima* [55, с. 20] «Наивысшее благо — око бдящее для oka спящего». Среди ПАР распространены компаративные афоризмы (аль-масаль ат-ташбихий): *an-nadamu 'ala s-sukūt hayr mina n-nadami 'ala l-qawl* [45, ч. 2, с. 346] «Лучше раскaiваться о том, о чем умолчал, чем о том, что сказал»¹⁰.

Многие афоризмы содержат имплицитную оценку — *man rakiba zahra l-bā'īl nazala dāra n-nadāma* [58, с. 7] «Кто взберется на хребет лжи, тот сойдет в обители раскаяния»; представляют собой прескрипции *'irhamū azīzan zalla 'irhamū ġaniyyan 'iftaqara 'irhamū 'āliman dā'a bayna juh-hāl* [55, с. 27] «Пожалейте достойного, если он унижен; пожалейте богато-го, если он разорен; пожалейте ученого, затерявшегося среди невежд» [использована стилистическая фигура «градация» (ат-тадарудж)].

Отдельные пословично-афористические речения восходят к поэтической речи, другие коррелируют с теми или иными строками из касыд таких известных средневековых поэтов, как Имруулькайс (500—540), Тарафа (VI в.), Набига аз-Зубьяни (ум. ок. 604), Джарир (ум. 737) и др. Например, вошедшее в поговорку *al-yawma hamrun wa-ġadan 'amrun* [45, ч. 2, с. 417] «Сегодня вино, а завтра дело» восходит к стиху Имруулькайса и т. п.

Для афоризмов характерно использование таких образных средств, как оппозиция, синтаксическая симметрия, паронимазия, аллитерация и др., «поддерживающих» их клишированность, устойчивость и выделяющих их из ряда других, тривиальных синонимических средств передачи одного и того же означаемого.

4.3. В ряду ПАР афоризмам противопоставляются пословицы, представляющие собой либо полностью, либо частично переосмысленные предложения с назидательным или в той или иной степени обобщающим значением.

Один и тот же смысл афоризм и пословица передают разными способами. Так, «тщеславие» осуждается с помощью «прямого высказывания», т. е. афористически, в предложении *ra'su l-ġahli l-ġitīrār* [45, ч. 1, с. 317] «Вершина невежества — тщеславие» и с помощью переосмысленного предложения — пословицы: *'anfun fi s-samā' wa-stun fi l-mā'* [45, ч. 1, с. 21] «Нос в небеса задирает, а задом в луже восседает», букв. «Нос в небесах, а зад в воде». В первом случае афоризм в обобщенной форме характеризует, оценивает многообразие частных проявлений «тщеславия». Пословица же оценивает ту или иную ситуацию «тщеславия» с помощью другой частной ситуации, которую принято использовать как идиоматичное средство обозначения этого порока [52, с. 140—144].

Пословицы обычно менее «философичны» и более конкретны, чем афоризмы. В качестве объекта их описания, как правило, выступают обыденные ситуации, служащие образным средством осуждения, назидания, предостережения и т. п. Например: *'inna li-l-ħitān 'azān(an)* «Воистину, стены имеют уши»; *'ummu l-kāzīb bīkr* [45, ч. 1, с. 88, 89] «Мать лжеца — девственница». Среди пословиц, как и среди афоризмов, распространены прескрипции: *lā tadħul bayna l-basala wa-qi'srihā* [45, ч. 2, с. 260] «Не влезай

¹⁰ Распространенность компаративных афоризмов и пословиц (см. [56]) связана с делением оценок на абсолютные и сравнительные [57].

между луковицей и ее кожурой». Многие пословицы включают в себя условия реализации того или иного действия: *'izā ta'auwada s-sinnūr kašfa l-quḍūr fa-'lam 'annahu lā yašbiru 'anhu* [45, ч. 1, с. 88] «Если привыкла кошка лазить по горшкам, то знай, что [так просто] она от этого не отвадится».

Некоторые ПАР, содержащие отдельные переосмысленные компоненты, можно рассматривать как «переходные случаи» между афоризмом и пословицей: *'aydī l-'uqūl tumsiku 'a'innata n-nufūs 'ani l-hawā* [59, с. 84] «Руки разума удерживают поводья душ от безрассудства».

5.0. Среди сверхсловных средств выразительности как в Коране, в поэзии, так и в других разновидностях речи АКЯ широко употребляются образные сравнения — ОС (ат-ташбих). Отличие образных сравнений от «истинных» (*Она красива, как ее сестра*) заключается в том, что в ОС «один предмет описания приравнивается к другому... независимо от того, равны они между собой (в действительности. — У. В.) или нет» [33, с. 180]. Ат-ташбих в арабской классической науке о красноречии рассматривается не как разновидность тропа (аль-маджаз), а как одно из средств выразительности (махасину ль-калам), в котором не наблюдается «отклонения от исходного» значения и с помощью которого какое-либо качество, свойство передается от того, у кого/чего оно в избытке, тому, у кого/чего этого качества, свойства недостает [39, с. 78—80; 60]; см. также [61]¹¹.

5.1. Образные сравнения в Коране представляют собой одно из наиболее распространенных стилистических средств. Они весьма разнообразны с точки зрения их структуры, образности, содержания. Являясь оценочными суждениями, ОС служат целям устрашения, побуждения, осуждения, поощрения и т. п. и тем самым способствуют эффективности воплощения художественного замысла творца памятника. Большинство коранических сравнений — не тривиальны, достигают высокой степени выразительности.

С точки зрения структурной ОС можно подразделить на такие, в которых образ сравнения (мушаббах бихи) является: 1) нераспространенным, т. е. выраженным словом, словосочетанием или одним предложением; 2) распространенным, развернутым, составленным из нескольких предложений, обозначающих цепочки образов либо целостную картину. Например: *ka-'annahum jarādun muntaširun* «точно они саранча рассыпавшаяся» (54, 7); *masalu llazīna ḥummilū t-tawrāta summa lam yaḥmilūhā ka-masali l-ḥimāri yaḥmilu 'asfāran* «Те, кому было дано нести Тору, а они ее не понесли, подобны ослу, который несет книги» (62, 5). В качестве примера на развернутое ОС приведем несколько измененный нами перевод из (24, 35): «Аллах — свет небес и земли. Его свет — точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло — точно звезда жемчужная. Зажигается она от дерева оливкового, благословенного — ни восточное оно и ни западное. Масло его готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет и еще свет! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает...»¹².

Заметим, что распространение образа сравнения в коранических ОС осуществляется обычно с помощью присоединения к его «стержневому» слову придаточного предложения, чаще всего — определительного, в основном — бессоюзного (14, 18; 14, 24—26; 74, 49—51), а также придаточного цели (13, 14), условия (7, 176) и др. Образ сравнения в развернутых ОС предстает либо в виде «цепочки», либо в виде «грозди». В последнем случае предмет сравнения описывается, характеризуется с помощью различных, не связанных друг с другом картин (см., например, 2, 16—20;

¹¹ Многие положения арабской теории ташбиха соотносятся с взглядами современных ученых, исследующих ОС. См. [62].

¹² Ср.: *Ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет* (Псал. 35, 10).

24, 39—40). В распространенных ОС встречаются и вводные предложения, и отступления от основного хода мыслей, например — (24, 39—40). Нередко за ОС следуют назидания, выводы, предписания, угрозы; см. (10, 24; 18, 45; 42, 32; 2, 223; 62, 5; 45, 8); подробнее см. [22, с. 96—97].

5.2. ОС является одним из самых излюбленных художественных приемов в арабской классической поэзии. Структурные разновидности образных сравнений в поэзии разнообразны. В частности, «весьма характерно для древнеарабской поэтики сплетение сравнений, каждое из которых составляет отдельное звено, имеющее самостоятельную ценность, в длинную цепь сравнений» [30, с. 40, 41], которая «может быть построена и как ряд сравнений, относящихся к одному предмету» [30, с. 42]. Особо следует указать на употребительность в поэзии приема распространения отдельных слов или словосочетаний с помощью атрибутивных конструкций. Например:

wa-^currīta min mulkin wa-^hayrin jama^ctahu

katā ^curriyat mimmā tumirru l-magāzilu [58, с. 124].

И стащена с тебя власть и добро, которые ты собрал,
Как стаскивают с веретен то, что они свивают.

Аль-А^cша (VI—VII вв.) [59, с. 325].

*ka-^aanna muḡāra n-naḡⁱ fawqa ru'^usinā
wa-^asyūfanā laylun tahāwā kawākibuhu* [39, с. 151].

Столбы ныли над нашими головами
И наши мечи подобны ночи и падающим звездам.
Башшар ибн Бурд (уб. в 783 г.).

*wa-l-badru fī 'uḡi s-samā'i ka-dirhamin
malḡiyyin ^calā dībājatīn zarḡā'a* [63].

И полная луна на небосклоне подобна дирхему.
Брошенному на синюю парчу.

Ибн аль-Му^cтаз (861—908).

5.3. Среди некоранических ОС распространены афористические сравнения, которые частично были рассмотрены выше. Здесь отметим лишь, что некоторые из таких сравнений представляют собой коранические реминисценции, отличаются глубокомыслием, «философичностью». Известному филологу и переводчику Ибн аль-Мукаффа^c (721—757) принадлежит следующее сравнение: *ad-dunyā ka-l-mā'i l-milki kullamā zādta minhu šurban 'izdadta 'aṭāšan* [33, с. 185] «Этот мир, как соленая вода, — чем больше ты его пьешь, тем сильнее становится жажда». Оно явно перекликается с аятами (10, 24; 18, 45). Очевидно наличие коранической реминисценции и в ОС: *al-mu'mīnu li-l-mu'mīni ka-l-bunyāni yašuddu ba'ḡuhu ba'ḡan* [45, ч. 2, с. 449] «Правоверный для правоверного — как здание, одна часть которого поддерживает другую» — см. (61, 4). Некоторым нерифмованным кораническим ОС соответствуют рифмованные некоранические. Рифма в таких ОС создает их клишированность. Ср., например: *wa-lā uḡlab-bi'uka miḡlu ḡabīrin* (35, 14) «И никто не возвестит тебе так, как сведущий» и *laysa l-muḡīr ka-l-ḡabīr* [45, ч. 2, с. 257] «Сведущий [важнее], чем дающий указания».

5.4. Широко распространены в АКЯ и «бытовые» ОС. «Предмет сравнения» во многих из них непостоянен, что способствует метафоризации «образа сравнения». Так, о человеке, совершающем бесполезные действия, говорят: *hiwa ka-l-ḡābiḡ 'ala l-mā'* «он как хватящий воду руками». Многие из «бытовых» ОС отличаются нетривиальностью, оригинальностью образа сравнения, например: *ka-l-ḡādī laysa lahu ba'īr* «как погонщик, у которого нет верблюда»; *wa-^anta ka-man yajma'u s-sayḡayni fī ḡimḡin* [39, с. 86] «Ты подобен тому, кто вкладывает два меча в одни ножны».

В результате проведенного анализа фразеоречений арабского классического языка получены данные о распределении их различных разрядов в тех или иных функциональных сферах, об их структурно-семантических и стилистических особенностях.

Так, для текста Корана характерны: а) распространенность кинематических и соматических ФР; б) высокая встречаемость слабо идиоматичных глагольных перифраз; развитость синонимических средств передачи лексических функций; в) относительно широкое использование развернутых образных сравнений; г) выражение «обобщенно-назидательных» смыслов афористическими, а не пословичными средствами.

Кинематические и соматические ФР в памятнике используются в значительной степени для образной передачи душевного состояния человека, его чувств и переживаний. Таким образом, распространенность этого разряда ФР объясняется особым вниманием к внутреннему миру человека и, в частности, к его отношению к религии.

Многообразие перифрастических средств в Коране, широкое использование глагольных аналитических конструкций в формах императива придают многим местам памятника официально-торжественную окраску и черты дидактичности. Различные способы оформления субъектно-объектных отношений между участниками описываемой ситуации используются как важное стилистическое средство, выполняющее «идейную» нагрузку.

В то же время следует отметить, что «художественные» именные перифразы (*волны смут, рука ветра* и т. п.) в большей степени характерны для ораторской и поэтической речи, причем в поэтических перифразах широко используется прием персонализации субъекта. В Коране же преобладают перифрастические обозначения Аллаха, а также идиоматические средства конкретизации абстрактных понятий. Для именных перифраз, встречающихся в классической афористике, также характерна абстрактность «предметов описания» («вершина невежества», «хребет лжи» и т. п.).

Относительно высокая употребительность в Коране развернутых образных сравнений составляет одно из своеобразий этого литературного памятника. Использование таких ОС служит целям подробного, детального и как можно более убедительного описания предмета сравнения.

Использование в Коране афористических суждений и прескрипций, обладающих «прямым» значением, и практическое отсутствие в нем собственно пословиц — т. е. полностью или частично переосмысленных, образных фразеопредложений обобщенного характера — свидетельствует о недвусмысленной сентенциозности, назидательности многих мест этого памятника («И не ходи по земле горделиво...»; «Аллах не любит ликоующих» и т. п.).

Для классических афористических суждений (противопоставимых бытовым) характерно глубокое философское, этическое или религиозное содержание, а также широкое использование «клиширующих» стилистических приемов — таких, как структурная симметрия, антитеза, паронимия, рифма и др.

Бытовые фразеоречения, построенные на основе конкретно-образного восприятия мира, отличаются связью с повседневной действительностью, наглядностью и «предметностью» обозначаемых ими отрезков ситуации.

Для бытовых пословично-афористических речений характерна распространенность пословиц, с помощью которых конкретными идиоматичными средствами обозначаются абстрактные ситуации. Ситуации, описываемые афористическими и пословичными средствами, могут совпадать. Однако в большинстве случаев «смыслы», выражаемые пословицами, менее абстрактны и более «приземлены», чем «смыслы», обозначаемые классическими афоризмами. Различны и средства выразительности, используемые соответственно в бытовых и классических пословично-афористических речениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солнцев В. М. Типология и тип языка // ВЯ. 1978. № 2. С. 26, 27.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1989.
3. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1989.
4. Мецанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. С. 3.
5. Горюдецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М., 1969.
6. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
7. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
8. Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 39.
9. Тезисы дискуссии «Типология как раздел языкознания». М., 1976.
10. Будагов Р. А. Сравнительно-семаснологические исследования (романские языки) М., 1963.
11. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. М., 1985
12. Ройзензон Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей школе. Вологда, 1967
13. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972 С. 34—36.
14. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978
15. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии // Тр. СамГУ им. А. Навои. 1970. № 186. Вып. II. С. 48—54.
16. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. III / Сост. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М., Ройзензон С. И. Самарканд, 1974. С. 37—42.
17. Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. IV. Самарканд, 1976. С. 30—32.
18. Бушуй А. М. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. V. Самарканд, 1979. С. 30—36.
19. Гольмагомедов А. Г. Библиографический указатель литературы по вопросам сопоставительной фразеологии // Исследования по общей и дагестанской фразеологии. Махачкала, 1989.
20. Дубинский И. В. Приемы использования фразеологических единиц в речи: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Баку, 1964. С. 3.
21. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избр. тр.: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 119.
22. Ушаков В. Д. Стилистическая функция фразообразовательных средств (на материале текста Корана) // ВЯ. 1984. № 4.
23. Ушаков В. Д. Фразеология в Коране и способы их перевода на русский язык // Народы Азии и Африки. 1988. № 1.
24. Ушаков В. Д. Фразеология арабского классического языка (на материале языка Корана): Автореф. дис. ...докт. филол. наук. М., 1989.
25. Телия В. Н. Фразеология // Теоретические проблемы советского языкознания М., 1968. С. 257.
26. Кунип А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1986. С. 9, 11.
27. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981.
28. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 157.
29. Копыленко М. М., Попова З. Д. Сопоставительная фразеология: состояние и перспективы // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983. С. 154.
30. Шидфар Б. Я. Образная система арабской классической литературы (VI—XII вв.). М., 1974.
31. *Ar-Raḍīyyu. Nahju l-balāga. Bayrūt (6. r.). J. 1. S. 40.*
32. *Al-Jurjāni 'Abdalqāhir. Dalā'ilu l-'ijāz fi 'ilmi l-ma'āni. Bayrūt, 1982.*
33. *Al-'Askari Abū Hilāl. Kitābu ṣ-ṣinā'atayni al-kitābati wa-ṣ-ṣi'r. Istanbūl, 1903.*
34. *At-Taftazāni Sa'adaddin. Muhtaṣir al-ma'āni. Qizfāši, 1889.*
35. *Ibn Rašīf al-Qayrawāni. Al-'umda fī maḥāsin aṣ-ṣi'r wa-'adabihī wa-naqdihī. J. 1. Al-Qāhira, 1955.*
36. Коран / Перев. и коммент. Крачковского И. Ю. 2-е изд. М., 1986. С. 23.
37. *Ibn al-'Aḡir Diyā'addin. Al-maṣāl as-sā'ir fī 'adabī l-kātib wa-ṣ-ṣā'ir. J. 1. Al-Qāhira, 1939. С. 397.*
38. *As-Suyūṭī Jalāladdin. Kitābu l-'itqān fī tafsīr al-Qur'ān. J. 2. Al-Qāhira, 1888. S. 50.*
39. *Al-Jurjāni 'Abdalqāhir. Asrāru l-balāga fī 'ilmi l-bayān. Al-Qāhira, 1953.*
40. *Al-Qazwīni al-Ḥaṭīb. At-talḥīs fī l-kalām fī 'ulūmi l-ma'āni wa-l-bayān wa-l-badī'. Al-Qāhira, 1904. S. 204.*

41. *As-Sa'ālibi Abū Mansūr*. Fiqh al-luġa wa-sirru l-'arabiyya. Al-Qāhira, 1952.
42. Al-Qur'ān al-karīm. Tafsīr al-Jalālayān: *al-Mahallī wa-as-Suyūṭī*. Bayrūt, 1987.
43. *Верещанин Е. М., Костомаров В. Г.* О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // ВЯ. 1981. № 1.
44. *Al-Jāhiz Abū 'Ugmān*. Kitābu l-haywān. K. 1. J. 5. Al-Qāhira, 1943. S. 425.
45. *Al-Maydānī Aḥmad*. Majma' al-'amsāl. J. 1—2. Bayrūt, 1972.
46. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1967.
47. *Ушаков В. Д.* Фразеологические сочетания в современном литературном арабском языке // Тр. СамГУ им. Алишера Навои. Новая серия. Вопросы фразеологии. 1976. VII. Вып. 277.
48. *Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семнотической системы (половицы и афоризмы) // Паремнологический сборник. Пословица, загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 38.
49. *Кунин А. В.* Английская фразеология. М., 1970. С. 251.
50. *Рубинчик Ю. А.* Основы фразеологии персидского языка. М., 1981. С. 225.
51. *Ушаков В. Д.* Паремии арабского языка (опыт диахронического анализа) // Сб. статей по языкознанию. № 14 (18). М., 1983.
52. *Ушаков В. Д.* Арабские паремии (опыт функционально-стилистического анализа) // Сб. статей по языкознанию. № 14 (18). М., 1983.
53. *Az-Zayd Ḥalīd Sa'ād*. Min al-'amsāl al-'ammiyya. Al-Kuwayt, 1961. S. 9.
54. *Riḍā'uddīn ibn Faḥruddīn*. Jawāmi' al-kalim muntaḥabatan min kitāb al-jāmi' as-ṣagīr li-l-'imām as-Suyūṭī. Qazān, 1911. S. 6.
55. *Al-Jāhiz Abū 'Ugmān*. Al-bayān wa-t-tabayīn. Al-Qāhira, 1956. J. 2.
56. *Кунин А. В.* Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М., 1972. С. 256—257.
57. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970. С. 24 и сл.
58. *Ibn al-Mu'tazz 'Abdalla*. Kitāb al-badī'. L., 1935.
59. *Крачковский И. Ю.* Ибн ал-Му'таз // Крачковский И. Ю. Избр. соч. Т. VI. М.; Л., 1960.
60. *Ibn al-'Aḡir Diyā'addīn*. Al-jāmi' al-kabīr fī ṣinā'ati l-manzūm mina l-kalām wa-l-manzūm. Bagdād, 1956. S. 90—93.
61. *Ушаков В. Д.* Компаративные единицы в арабской классической филологии // Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 3. М., 1982.
62. *Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клиппенберг Ж.-М., Тринон А.* Общая риторика. М., 1986. С. 206—208.
63. *Ḥafāḡi Muḥammad 'Abdulmu'min*. Ibn al-Mu'tazz wa-turāsuhu. Al-Qāhira, 1949. S. 186.